АНАСТАСИЯ
БАРАНЦЕВА



ПЕПЕЛ ЗОЛОТА

18+

Анастасия Баранцева

Пепел золота

«Автор»
2026

Баранцева А.

Пепел золота / А. Баранцева — «Автор», 2026

Странные отражения, голоса, которых никто не слышит, и воспоминания о событиях, которых никогда не было. Когда реальность начинает трещать по швам, Мариэль оказывается в «Проломе», закрытом исследовательском центре, где ученые пытаются объяснить природу ее необычной магии.Здесь она встречает Дэниела, рядом с которым впервые за долгое время чувствует себя по-настоящему живой, и Энсо Валенти, блестящего, невыносимо самоуверенного врача, привыкшего находить ответы даже на самые невозможные вопросы.Но чем ближе исследователи подбираются к разгадке, тем чаще Мариэль замечает: некоторые события происходят раньше собственных причин, чужие воспоминания противоречат действительности, а за привычным миром скрывается нечто гораздо большее.

© Баранцева А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Анастасия Баранцева
Пепел золота

Глава 1

Пролог

Темное пространство, похожее на небо, было разорвано золотыми звездами, будто самый яркий и пылающий шар распался от внутреннего давления.

Частиц было настолько много, что они заволокли все окружающее пространство. Это был всплеск, который разрушал частичку души при каждом использовании подобного способа поиска ответов.

Ее покалеченная и уничтоженная душа столкнулась с потоком яростной боли окружающего места золотых звезд и горящих угольков взорванной сферы.

Девушка пролетала сквозь пепел, крутясь и кувыркаясь, пытаясь зацепиться за любой восходящий поток. Но вокруг не было ни капли привычного воздуха. Вспышки света от звезд подсвечивали бордовый оттенок волос и россыпь веснушек по всему оголенному телу.

«Пусть это остановится, я больше не могу!» кричала она, все равно зная, что здесь ее никто не услышит. Как и всегда, как и везде. Закрыв глаза, она приняла судьбу и растворилась во вспышке очередной горящей звезды.

Глава 1. Энсо

Вода дрогнула раньше, чем он поднял руку. Совсем немного – настолько, что человек, не знающий, куда смотреть, скорее всего, ничего бы не заметил. Гладкая поверхность в прозрачной чаше едва заметно прогнулась к центру, будто кто-то коснулся ее невидимым пальцем, затем по ней разошлись два тонких круга и погасли у стеклянных стенок.

Мужчина, сидевший напротив меня, еще даже не успел сосредоточиться.

– Еще раз. – Я перевел взгляд на монитор.

– Я даже не начинал, – сказал он.

В его голосе прозвучало раздражение, но за ним скрывалось нечто куда более сильное – страх. Он старательно прятал его с того самого момента, как вошел в лабораторию: слишком громко шутил с Итаном, несколько раз повторил, что чувствует себя совершенно нормально, и уже трижды спросил, сколько еще продлится обследование. Люди вообще удивительно часто пытались убедить врача в собственном здоровье прежде, чем врач успевал предположить обратное.

Я ничего не ответил и снова посмотрел на воду. Чаша стояла на узком металлическом столе между нами. Над ней висели два датчика, еще один был закреплен на запястье пациента, а тонкие серебристые пластины на висках считывали изменения магического импульса. Провода уходили под стол и дальше, к стойке оборудования, возле которой устроился Итан. За его спиной мерцали четыре экрана, на трех двигались привычные линии, а на четвертом медленно собиралась карта эфирного отклика. Все выглядело именно так, как и должно было выглядеть. Кроме воды.

– Попробуйте снова, – повторил я.

– Сейчас? – мужчина нахмурился.

– Именно поэтому я сказал «снова».

Итан опустил голову, слишком поздно спрятав улыбку. Я посмотрел на него и улыбка почти исчезла.

Пациент шумно выдохнул и вытянул руку над чашей. Пальцы у него были крупные, с короткими ногтями и едва заметными мозолями на подушечках. Совершенно не те руки, которые обычно представляли себе люди, когда говорили о водной магии. Почему-то им хотелось видеть в ней нечто изящное: тонкие запястья, плавные движения, капли, зависающие в воздухе, как драгоценные камни. На практике вода была тяжелой и упрямой. И, если человек плохо контролировал импульс, способной сломать ему нос ничуть не хуже кулака.

– Не торопитесь, – сказал я. – Сначала сформируйте намерение. Не вызывайте воду сразу.

– Я знаю, – огрызнулся он.

– Тогда сделайте так, будто знаете.

На этот раз Итан кашлянул. Мужчина посмотрел на меня исподлобья, но руку не убрал. Несколько секунд ничего не происходило. Потом линия на втором экране плавно пошла вверх. Я увидел это боковым зрением. Еще секунда, поверхность воды выгнулась, и только после этого дернулись пальцы пациента. Струя поднялась из чаши примерно на ладонь, застыла между рукой и столом, неровно задрожала и распалась. Несколько капель ударились о металлическую поверхность.

– Вот, – мужчина отдернул руку.

– Что «вот»? – я уже смотрел на показатели.

– Я ее поднял.

– Вижу.

– Значит, все нормально?

Итан повернулся от экранов и посмотрел сначала на меня, потом на пациента. В отличие от него, мужчина не видел графиков и потому не мог знать, что происходило за две секунды до того, как вода поднялась. Я придвинул один из мониторов ближе.

– Нет.

– Что значит «нет»? – его лицо изменилось почти незаметно, исчезло раздражение, а плечи стали жестче.

– Это значит, что вода отреагировала до вашего сознательного импульса.

– На сколько?

– На одну целую восемь десятых секунды, – ответил Итан.

Я снова посмотрел на него, а тот пожал плечами:

– Он спросил.

Иногда мне казалось, что Итан воспринимал любую паузу как пространство, которое необходимо немедленно заполнить собственным голосом. Удивительная способность для человека, добровольно выбравшего работу в лаборатории, где тишина зачастую приносила больше пользы, чем любые разговоры.

– Это много? – спросил пациент.

Я откинулся на спинку стула. За прозрачной перегородкой соседнего помещения медленно прошла сотрудница в серой форме, держа перед собой планшет. Где-то дальше открылась дверь, послышались шаги, затем наступила та специфическая тишина, которая существовала только в исследовательских корпусах: не настоящая, а собранная из тихого гула вентиляции, работы приборов и приглушенных голосов за толстыми стенами. Я снова посмотрел на график: разрыв был стабильным и это мне не нравилось.

Случайный выброс можно было списать на усталость, эмоциональную реакцию, внешнее воздействие или десяток других факторов. Повторяющийся механизм означал, что организм перестраивался. А перестройка магического отклика у взрослого человека редко происходила без причины.

– Достаточно, чтобы продолжить обследование, – ответил я.

– Я думал, вы скажете, опасно это или нет.

– Вы спросили, много ли это.

Мужчина сжал губы, и я почти физически почувствовал взгляд Итана. Да, я понял, что можно было ответить мягче. Но нет, я не собирался.

– Опасно? – снова спросил пациент, на этот раз отчетливо разделив слово на слоги, будто опасался, что я найду еще один способ ответить не на тот вопрос.

– Нет, – я задержал взгляд на показателях, его плечи сразу опустились. – Пока что.

– Профессор… – Итан закрыл глаза и покачал головой.

– Вы всегда так разговариваете с пациентами? – мужчина нервно усмехнулся.

– Нет. Иногда я молчу.

Итан отвернулся к мониторам, но по его плечам было видно, что он снова смеется. На этот раз я решил оставить его в живых и подошел к чаше. Вода уже успокоилась, несколько капель оставались на столе, отражая холодный свет потолочных панелей. Я провел пальцем по одной из них, не касаясь поверхности, и посмотрел на пациента.

– Еще раз. Но теперь ничего не делайте.

– В смысле?

– В буквальном. Не пытайтесь вызвать воду, не представляйте движение, не формируйте импульс. Просто сидите.

– И что должно произойти? – он недоверчиво посмотрел на меня.

– Надеюсь, ничего.

Это была правда. Я вернулся к мониторам. Итан уже понял, что я хочу проверить. Его привычная легкость исчезла, пальцы быстро прошлись по панели управления, меняя параметры записи. На центральном экране развернулась дополнительная шкала.

– Фоновый отдельно?

– Да.

– Телесную реакцию?

– Оставь.

– Сознательный импульс?

– Итан, – я посмотрел на него.

– Понял.

Минуту ничего не происходило. Мужчина сидел напротив чаши и изо всех сил старался не думать о воде, что само по себе почти являлось невыполнимой задачей. Чем настойчивее человеку запрещали думать о чем-либо, тем охотнее мозг возвращался именно к этому. Я наблюдал, как напряглась его челюсть, как большой палец несколько раз прошелся по указательному, как взгляд невольно возвращался к чаше. Но сознательного импульса приборы не фиксировали, это уже хорошо.

Еще двадцать секунд. Ничего. Я уже собирался закончить тест, когда вода дрогнула. Пациент замер, Итан перестал печатать. По поверхности прошел один круг, затем второй. Судя по мониторам, эфирный отклик снова появился раньше.

– Я ничего не делал, – тихо сказал мужчина. Теперь в его голосе не было раздражения, только страх.

– Я знаю, – я подошел к нему ближе.

– Тогда почему она двигается?

На этот вопрос у меня уже был предварительный ответ. Организм иногда начинал формировать магический импульс до того, как сознание успевало его распознать. Такое происходило после травм, при длительном эмоциональном напряжении, некоторых заболеваниях нервной системы, реже – после сильного внешнего магического воздействия. В большинстве случаев механизм поддавался коррекции. В большинстве. Я не любил эту формулировку. Она позволяла людям превращать статистику в обещание.

– Потому что магия начинается раньше, чем вы ее видите, – сказал я. – Иногда раньше, чем вы успеваете понять, что вообще собирались что-то сделать.

– То есть я больше ее не контролирую? – он нахмурился.

– Я этого не говорил. Сейчас мы выясняем, где именно начинается отклонение. После этого будем решать, что с ним делать.

Я специально сказал «будем». Не потому, что хотел его успокоить. Просто это было точнее. Он не перестал быть участником собственного лечения только потому, что сидел по другую сторону стола. Несколько секунд мужчина смотрел на меня, словно пытался определить, достаточно ли этого ответа, чтобы перестать бояться. Очевидно, решил, что нет, но кивнул.

– Еще раз?

– Еще три, если показатели останутся одинаковыми.

– Это тоже входит в исследование?

– Нет. Но нам нужно это увидеть.

Итан все-таки рассмеялся и напряжение в комнате немного ослабло. Именно в этот момент четвертый монитор мигнул один раз. Я заметил движение краем глаза и повернулся. График эфирного фона дернулся вниз. Не вверх, а настолько резко вниз, что линия почти коснулась нижней границы шкалы. И после экран на долю секунды вспыхнул золотистым.

– Стоп.

– Я ничего не… – Итан уже смотрел туда же.

– Не трогай, – я подошел к экрану. Линия выровнялась и фон стабилизировался. Нормальные импульс, температура, работа датчиков. Все снова было таким, каким должно было быть, кроме нескольких секунд записи.

– Что произошло? – спросил мужчина.

Я не ответил и увеличил участок графика. Итан поднялся со своего места и подошел ближе. Теперь он стоял рядом со мной совершенно молча, что само по себе было достаточным показателем того, насколько странным выглядел результат.

– Сбой? – наконец спросил он.

– Возможно.

Я открыл технические параметры. Питание и связь стабильны. Синхронизация датчиков без задержек и никаких системных уведомлений.

– Я такого раньше не видел, – Итан наклонился к экрану и положил ладони на стол.

– Потому что ты работаешь здесь два года.

– А вы видели?

Я промолчал и он повернул голову от экрана ко мне.

– Это был вопрос.

– Я понял и мой ответ нет.

За моей спиной скрипнул стул и мы оба словно одновременно вспомнили, что в помещении есть третий лишний.

– Это из-за меня? – пациент смотрел на нас уже без всякого остатка прежней иронии.

Я снова посмотрел на экран. Странный участок уже был выделен рамкой. Несколько секунд стабильного потока, провал, короткая золотистая визуализация и снова возвращение к норме. Я мог сказать ему, что не знаю что сейчас произошло, и это было бы правдой. Но страх редко нуждался в правде без контекста. Он цеплялся за пустые места и самостоятельно заполнял их худшими возможными объяснениями. Я проверил его показатели еще раз.

– Нет оснований считать, что это связано с Вами.

– Но вы только что сказали…

– Я сказал, что не видел такого показателя. Это не одно и то же.

Он посмотрел на Итана, словно надеялся найти у него перевод с моего языка на человеческий.

– Если бы профессор считал, что вам прямо сейчас что-то угрожает, вы бы уже не сидели на этом стуле, – он улыбался пациенту своей широкой улыбкой, которая всегда их располагало к нему больше, чем к моей холодности.

– Заканчиваем исследование, – я вернулся к панели сложил руки на груди.

– А остальные три попытки?

– В другой раз, – я почувствовал его испуг. Люди замечали нарушение порядка даже тогда, когда не понимали самого порядка. – Мне нужно проверить оборудование. Ваши показатели стабильны, на сегодня этого достаточно.

Итан начал отсоединять датчики, попутно объясняя, куда пациенту пройти и когда ему назначат следующий визит. Его голос снова стал легким, почти ленивым, и постепенно напряжение в комнате рассеялось.

Я этого почти не слышал, передо мной оставался график и я увеличил его еще раз. Магический импульс пациента шел ровно, эфирный отклик тоже. А затем на две целых три десятых секунды происходило нечто, чему я пока не мог подобрать правильного определения. Это был не всплеск, выброс или нарушение частоты. Скорее наоборот, будто прибор попытался измерить что-то, что на мгновение перестало соответствовать самой системе измерения.

Я почувствовал знакомое раздражение, а не страх. Для страха требовалось значительно больше доказательств. Я не любил вопросов, которые появлялись раньше, чем для них находился подходящий метод исследования. За спиной закрылась дверь, подсказывая, что мужчина наконец-то ушел.

– Перезапустить систему? – Итан вернулся к своему месту.

– Полная самодиагностика.

– Уже запускаю.

– После нее повтори.

– Дважды? – он посмотрел на меня.

– Теперь трижды.

– Конечно.

Я услышал, как он что-то пробормотал себе под нос.

– Я все слышу.

– Я знаю.

На экране появилась полоса диагностики. Десять процентов. Двадцать. Тридцать. Я снова посмотрел на неподвижную воду, она была совершенно спокойна, будто ничего не произошло. Почему-то именно это раздражало больше всего.

– Энсо.

Я повернул голову, Итан больше не улыбался и смотрел на соседний экран. Тот самый участок записи теперь был разложен по источникам сигнала.

– Мне кажется, у нас проблема, – Итан увеличил одну из строк.

– Какая? – я подошел к нему ближе и сел на край стола.

Он указал на отметку происхождения импульса. Несколько секунд я просто смотрел на цифры, потом проверил их сам. Сигнал действительно был зарегистрирован системой, датчики не ошиблись. Но источник находился не там, где сидел пациент. И даже не внутри исследовательского контура. Он пришел извне, откуда-то за пределами лаборатории.

Я медленно выпрямился. За стеклом продолжалась обычная жизнь Пролома. По коридору прошли двое сотрудников, открылась дверь лифта, кто-то рассмеялся в дальнем помещении. Свет отражался от белых стен, приборы продолжали работать, вода оставалась неподвижной. Ничего не изменилось. Только я теперь знал, что несколько минут назад наша система зафиксировала то, чего здесь не должно было быть.

– Самодиагностику не отменяй, – сказал я.

– Думаете, ошибка? – Итан посмотрел на меня.

– Пока да, – я еще раз взглянул на золотой провал.

Мне нравилось слово пока. Оно оставляло миру возможность снова стать понятным. Полоса самодиагностики дошла до ста процентов и исчезла. На ее месте появилось короткое зеленое сообщение: ОШИБОК НЕ ОБНАРУЖЕНО.

Я смотрел на него несколько секунд, как и Итан.

– Ну, – наконец протянул он, откинувшись на спинку кресла, – зато теперь мы официально знаем, что оборудование считает себя здоровым. Это хорошая новость.

– Для оборудования, – я встал со стола и отошел от экранов.

– Я пытаюсь искать положительные стороны.

– Попробуй искать причину.

Итан тяжело вздохнул, но почти сразу подался вперед и снова положил руки на панель. Пальцы быстро заскользили по сенсорной поверхности, раскрывая одно окно за другим: журнал питания, синхронизацию датчиков, внутренние ошибки, внешние подключения.

Лаборатория опустела совсем недавно, но уже казалась другой. Пациент оставил после себя едва заметную вмятину на мягкой обивке кресла, на металлическом столе все еще стояла прозрачная чаша, а рядом темнели несколько капель воды, которые никто не успел вытереть. Одноразовые датчики лежали в контейнере для утилизации. На полу возле стойки оборудования валялся защитный колпачок. Итан наверняка уронил его еще в начале обследования и, как обычно, решил, что законы мироздания рано или поздно сами вернут вещь на место.

Все остальное выглядело совершенно обычно и в этом заключалась проблема. Если бы перегорел один из модулей, если бы система выдала ошибку синхронизации или хотя бы один датчик показал отклонение, мне было бы значительно проще. Причина, следствие, исправление: три вещи, на которых держалась большая часть моей работы и, если подумать, достаточно удобная модель существования в целом. Золотой провал не вписывался ни в одну из них.

Я приблизил запись. На экране растянулись несколько секунд исследования. Синяя линия обозначала сознательный магический импульс пациента, белая – физическую реакцию, тонкая серия показывала эфирный фон. Все три шли практически параллельно до момента сбоя. Серая линия резко уходила вниз и почти сразу возвращалась обратно.

– Еще раз, – я поставил запись на паузу.

– Диагностику?

– Запись.

Итан ничего не сказал, только запустил воспроизведение. Импульс, реакция, фон, провал, золото, норма.

– Медленнее.

Он уменьшил скорость и мы посмотрели снова.

– Еще раз.

На третий раз Итан перестал ерзать в кресле. На четвертый приблизился к экрану. На пятом я увидел то, что сначала принял за погрешность визуализации.

– Стоп, – запись замерла. – Верни на четыре десятых.

Итан перемотал и я наклонился ближе. Золотистый участок появлялся не одновременно с падением эфирного фона. Он возникал раньше, совсем немного, меньше чем на секунду. Итан заметил это следом.

– Подождите, – он увеличил масштаб, – это… Но так не бывает.

– Да, знаю. Неудачная формулировка.

В науке вообще существовало удивительно вредное выражение – так не бывает. Обычно оно означало лишь, что человек никогда раньше с чем-то не сталкивался. Я предпочитал другое: мы пока не знаем, почему это произошло. Оно звучало менее уверенно, зато оставляло возможность когда-нибудь перестать быть идиотом.

– Проверь временные метки всех датчиков, – сказал я.

– Синхронизация идеальная, – Итан открыл таблицу.

– Не может быть идеальной.

– Разброс две тысячных.

– Значит, почти идеальная.

– Простите, – он сказал это с совершенно невинным выражением лица.

Несколько минут мы работали молча. Чем глубже Итан забирался в технические журналы, тем меньше оставалось привычной легкости в его движениях. Он перестал комментировать каждое действие, не отвлекался, даже не потянулся к кружке, которая уже минут тридцать стояла возле его локтя. Я знал этот режим. Итан мог казаться несерьезным ровно до тех пор, пока не появлялось что-то, что действительно его заинтересовало. Тогда от его болтовни не оставалось ничего. Именно поэтому он все еще работал со мной.

– Питание без скачков, – сказал он наконец. – Внешние подключения тоже чистые. Обновлений сегодня не было. Последняя калибровка… – он пролистал журнал, – три дня назад.

– Кто проводил?

– Я.

– Что? – я посмотрел на него.

– Что?

– Ничего.

– Вот поэтому я не люблю, когда вы так смотрите, – Итан нахмурился и откинулся в кресле.

– Как?

– Будто уже знаете, кто виноват.

– Если бы знал, мы бы не сидели здесь.

– Справедливо, – он снова придвинулся к экрану.

Я взял со стола планшет и открыл параметры самого эфирного сканера. Модель была относительно новой. Четвертая серия, установленная меньше года назад. За это время дважды меняли внешний преобразователь, один раз обновляли программное обеспечение, но серьезных сбоев не происходило. Тем более таких. Приборы могли ошибаться. Люди любят приписывать технике почти мистическую объективность, словно машина, собранная человеком, каким-то образом становилась свободной от человеческих ошибок, но она не становилась. Плохо установленный датчик давал неправильное значение, сбой питания создавал разрыв записи, а программная ошибка превращала нормальный показатель в невозможный. Но ошибки оставляли следы, а их здесь не было. Я открыл данные соседних лабораторий.

– Что вы ищете? – спросил Итан.

– Фон.

– Здесь?

– Во всем крыле.

Он на секунду замер, но потом понял и открыл второй терминал.

– Если это внешний сигнал…

– Он мог попасть и на другие датчики.

– А если не попал?

– Тогда будем думать дальше.

– Иногда Ваши планы поражают детализацией, – Итан усмехнулся.

– Поэтому ты здесь. Чтобы восхищаться.

– А я думал, чтобы работать.

– Одно другому не мешает, – я пожал плечами, но Итан только покачал головой.

Мы разделили лаборатории между собой. Первая, вторая и третья были в норме, только небольшое колебание в пределах допустимого. Четвертая и пятая тоже оказались в норме. Я уже собирался перейти дальше, когда Итан резко выпрямился.

– Есть!

– Где? – я поднял на него глаза и он развернул ко мне монитор.

На экране был график из соседнего исследовательского сектора. Не такой выраженный и глубокий, но в ту же секунду эфирный фон там тоже изменился.

– Время, – я приблизился к его планшету.

Итан вывел обе записи рядом, разница составляла меньше десятой секунды. Я почувствовал, как внутри наконец складывается первая нормальная мысль за последние двадцать минут. Не ответ, к сожалению, но хотя бы направление.

– Значит, пациент действительно ни при чем, – сказал Итан.

– Скорее всего, но мы не знаем источник.

– Но сигнал был минимум в двух лабораториях, – он задумался. – Внешний выброс такой силы в нашем районе?

– Возможно, – я посмотрел на второй график. – Чтобы эфирное возмущение дошло до двух изолированных исследовательских помещений и при этом исказило показания внутри защищенного контура, источник должен был быть достаточно мощным. Очень мощным, а мощный выброс сложно было не заметить. Особенно в городе, где система наблюдения за эфирным фоном работала круглосуточно.

Я открыл общую карту и наблюдал, как несколько секунд загружались данные с внешних станций. Зеленые точки одна за другой появлялись поверх схематичного плана города.

– Ничего, – тихо сказал Итан. – Может, станции еще не обновились?

– Частота обновления пять секунд.

– Тогда… – он не закончил, на карте действительно ничего не было.

Ни всплеска, аварии или зарегистрированного применения магии высокого ранга. Даже значительного локального возмущения. И все же два датчика внутри Пролома утверждали, что несколько минут назад через исследовательское крыло прошел сигнал неизвестного происхождения.

– Проверь остальные помещения, – сказал я.

Итан взял еще несколько записей. В шестой и седьмой лабораториях ничего, как и в комнате наблюдения.

– Еще один, – Итан остановился.

Третий показатель, слабее второго, но он был. Теперь можно было провести направление. Я открыл схему этажа и отметил три точки. Лаборатория, где находились мы, соседний сектор и диагностический кабинет через два коридора. Три помещения образовывали почти прямую линию.

– Он прошел через здание, – Итан тоже это увидел.

– Похоже на то.

– Откуда?

Я продолжил линию на схеме, она уходила за пределы корпуса и дальше располагались внутренний двор и административное крыло. После ограждения комплекса появлялся город.

– Если продолжить… – Итан придвинулся ближе и увеличил карту.

Линия уходила через несколько кварталов и растворялась среди тысяч зданий, улиц и магических источников, которые невозможно было проверить по одному. Что-то не сходилось, не само направление, а форма сигнала. Внешний выброс должен был сначала появиться на городских станциях и уже затем по периметру Пролома. Но внешние станции не видели ничего, будто сигнал не прошел через защиту, а оказался внутри нее на несколько секунд.

– Это невозможно, – снова повторил Итан и на этот раз я не стал его поправлять.

Я снял очки, которые надевал только при долгой работе с мелкими графиками, и потер переносицу. От яркого света начинала ныть голова.

– Запроси архив всех эфирных датчиков за последние семь дней.

– Вы представляете, какой это объем? – он посмотрел на меня так, словно надеялся, что я шучу. – И что мы будем искать?

– Это, – я указал на золотой участок. – Поэтому начни с автоматического поиска аналогичной формы сигнала.

– Я когда-нибудь научусь не задавать вам вопросы, на которые не хочу получать ответы.

Итан уже собирался запускать запрос, когда дверь лаборатории открылась. На пороге стояла женщина в темно-сером костюме исследовательского корпуса, с тонкой папкой под мышкой и очками, опущенными почти на кончик носа. Лиора Вейн редко заходила в лаборатории без причины, а еще реже – в мои. Она задержала взгляд на трех открытых графиках, потом на карте, и, наконец на нас.

– Я помешала?

– Да, – ответил я.

Итан за моей спиной тихо выдохнул. Лиора, напротив, едва заметно улыбнулась.

– Прекрасно. Значит, ничего необычного, – она вошла и закрыла за собой дверь.

Профессор Вейн двигалась неторопливо, как человек, который давно перестал считать скорость доказательством собственной занятости. Это раздражало многих сотрудников Пролома. Особенно молодых, привыкших почти бегать по коридорам с планшетами и изображать конец света при каждом просроченном отчете. Меня не раздражало. Лиора была одним из немногих людей здесь, которые могли позволить себе не торопиться. Она знала слишком много, чтобы доказывать обратное.

– Мне сказали, вы третий раз запускаете диагностику четвертого сканера, – произнесла она, остановившись возле стола.

Я посмотрел на Итана, как он сразу поднял руки.

– Не я!

Лиора перевела взгляд с него на меня.

– Так что случилось?

– Сбой.

Она уже собиралась что-то ответить, но я успел заметить совсем небольшую задержку.

– Какой? – спросила она и я развернул к ней один из экранов.

– Эфирный фон просел на две целых три десятых секунды. Три внутренних датчика зарегистрировали один сигнал. Периметр и городские станции – ничего.

Лиора подошла ближе и посмотрела на график. Несколько секунд ее лицо оставалось совершенно спокойным. Потом она очень медленно сняла очки и я окончательно перестал верить в случайную помеху.

– Визуализация? – спросила она.

Я открыл спектр и золотистая полоса вспыхнула посреди темного графика. Лиора не шевельнулась. Итан, вероятно, ничего бы не заметил. Но не я. Ее пальцы чуть сильнее сжали дужку очков всего на мгновение и сразу расслабились.

– Похоже на ошибку преобразования, – сказала она. – Проверь оборудование.

– Проверил.

– Тогда проверь еще раз.

Теперь уже Итан посмотрел на меня. Я почти услышал его мысленное: она говорит как Вы. Но мне было не до этого. Лиора вернула очки на место и закрыла график движением пальца.

– Если повторится, сообщи мне.

– Почему?

Она подняла глаза.

– Потому что ты все равно придешь спрашивать.

– Я уже спрашиваю.

Между нами повисла короткая тишина. Итан внезапно обнаружил огромный интерес к собственному планшету. Лиора посмотрела на меня еще несколько секунд.

– Иногда, Энсо, – произнесла она наконец, – сбой остается всего лишь сбоем.

– Конечно. Пока.

На этот раз улыбка исчезла с ее лица и она поправила папку под рукой, направившись к двери.

– Хорошего дня, Итан, – она уже взялась за ручку двери.

– И Вам, профессор Вейн.

– Лиора, – я посмотрел на золотой спектр. Женщина остановилась, но не повернулась. – Вы такое уже видели?

Пауза оказалась совсем короткой. Настолько короткой, что при желании ее можно было не заметить.

– Нет, профессор Валенти.

Дверь закрылась и несколько секунд в лаборатории было тихо. Потом Итан медленно повернулся ко мне.

– Она врет?

– Не знаю, – я смотрел на закрытую дверь.

– Но вы думаете, что врет.

– Я думаю, что она слишком быстро решила, что это ошибка, – я вернулся к экрану.

На мониторе все еще горела золотистая полоса. Я сохранил исходную запись отдельно от общего файла исследования, создал копию и ограничил автоматическое удаление данных.

– Теперь запускай поиск по архиву.

– А Вы?

Я поднялся. За стеклянными стенами лаборатории Пролом продолжал жить своей обычной жизнью и все было нормально. Только теперь у нас было три датчика, увидевших то, чего не видел весь остальной город. И Лиора Вейн, которая посмотрела на золотой спектр так, словно узнала старого знакомого.

– А я хочу понять, – сказал я, забирая планшет со стола, – почему человек, который никогда этого не видел, так старательно делает вид, что смотреть здесь не на что.

Глава 2. Энсо



В коридор я вышел через десять минут. Итан остался в лаборатории с архивом за последнюю неделю, тремя зарегистрированными провалами и выражением лица человека, который уже успел пожалеть о собственном любопытстве.

– Если найдешь совпадение, ничего не открывай поверх исходного файла, – сказал я, задержавшись в дверях. – И не запускай автоматическую коррекцию.

– Знаю.

– Если система предложит очистить поврежденные…

– Энсо.

Я замолчал. Итан медленно повернулся в кресле.

– Мне двадцать девять.

– Поздравляю.

– У меня высшее образование.

– Это тоже было неожиданно.

– Я умею работать с архивом, – он прикрыл глаза.

– Именно поэтому я оставляю тебя с архивом.

– Какая честь.

– Не испорти ее.

Дверь закрылась раньше, чем он успел ответить.

В коридоре было прохладнее. После нескольких часов под белым лабораторным светом глаза не сразу привыкли к мягкому освещению исследовательского крыла. Здесь панели под потолком горели не так ярко, а вдоль одной стены тянулись узкие вертикальные окна, выходившие во внутренний двор. День был серым, почти бесцветным.

Я остановился возле первого окна всего на секунду. Не из-за погоды или капель дождя, которые медленно соединялись друг с другом и стекали вниз неровными дорожками. За стеклом отражался монитор лаборатории и золотая линия все еще стояла перед глазами. Я слишком

долго работал с графиками, чтобы не знать этот эффект: достаточно несколько минут смотреть на яркую визуализацию, а потом отвести взгляд на светлую поверхность, и мозг еще какое-то время продолжит воспроизводить ее самостоятельно. Обычная физиология. Мне хотелось, чтобы объяснение всего остального оказалось настолько же простым.

Телефон коротко завибрировал в кармане, я достал его и увидел сообщение от Итана.

Если я найду призрака, его тоже не открывать поверх исходного файла?

Я недоуменно посмотрел на сообщение и убрал телефон обратно, чтобы через несколько секунд он завибрировал снова.

Это был серьезный вопрос.

Я продолжил идти. Пролом редко бывал по-настоящему тихим. Даже в исследовательском крыле, где большая часть стен была звуконепроницаемой, жизнь все равно просачивалась наружу отдельными фрагментами. Приглушенный разговор за дверью, сигнал завершившегося исследования, шаги, скрип колес медицинской тележки и иногда смех. Название центра создавало у людей, впервые попавших сюда, совершенно неправильные ожидания. Будто за высокими стенами обязательно должны были находиться подземные лаборатории, запертые комнаты и люди, которых держали здесь против их воли. На практике центральный корпус больше напоминал очень дорогую университетскую клинику. Светлые стены, стекло, светлое дерево в зонах ожидания и навигационные полосы на полу. Даже растения, которые администрация расставила по этажам после какого-то исследования о влиянии зелени на уровень тревожности пациентов. Большинство растений умерло в первые три месяца. Я подозревал, что это говорило о Проломе больше, чем результаты исследования.

У развилки коридор расходился на три направления. Справа находился диагностический сектор: кабинеты первичного приема, стандартные магические тесты, восстановительные комнаты. Туда приходили люди, которые проводили в центре несколько часов и к вечеру возвращались домой. Прямо – исследовательский. И он был моим. Здесь было меньше окон, больше оборудования и значительно больше дверей, которые открывались только после идентификации сотрудника. Слева начиналась жилая часть комплекса. Пациенты, которым требовалось наблюдение дольше нескольких дней, называли ее стационаром. Но администрация предпочитала выражение «резидентный сектор». Не знаю, кому пришло в голову, что от этого кровать в медицинском учреждении начинает ощущаться домашней.

Мимо меня прошла девушка в тренировочной форме. Ее пальцы были покрыты тонкой серебристой пленкой, которая исчезла, стоило ей провести ладонью по рукаву. Металлическая магия, начальная стадия контроля. Она поздоровалась, на что я просто кивнул. Чуть дальше пожилой мужчина сидел в кресле возле окна и читал книгу. Над его плечом медленно вращались три небольших камня. Он даже не смотрел на них. Хороший контроль. В дальнем конце коридора ребенок лет десяти пытался удержать в воздухе бумажный самолетик, пока женщина в форме специалиста по адаптации что-то объясняла его матери. Самолетик дернулся, ударился носом о стену и упал. Мальчик нахмурился и через мгновение поднял его снова.

Именно поэтому люди за пределами Пролома так часто ошибались насчет этого места. Они представляли магические аномалии как нечто исключительное и катастрофическое. На деле подавляющее большинство наших пациентов просто получали способность немного раньше нормы, немного позже, немного сильнее или немного иначе, чем предполагала стандартная модель.

Один не мог остановить огонь после эмоционального всплеска. Другой слышал чужие магические импульсы и принимал их за шум. Третий создавал воду во сне. Четвертый начинал воздействовать на металл всякий раз, когда испытывал страх. Это не делало их чудовищами. И уж точно не делало особенными в том смысле, который так любили вкладывать в это слово журналисты. Организм и магия ошибались, а мы находили механизм и корректировали. Иногда годами, но почти для всего существовало объяснение.

Я ускорил шаг и на следующем перекрестке мне пришлось остановиться. Через коридор медленно двигалась транспортировочная платформа, окруженная двумя сотрудниками технической службы. На ней стоял новый блок стабилизации эфирного поля, еще завернутый в защитную пленку. Один из сотрудников заметил меня и попытался ускориться, едва не зацепив платформой стену.

– Не спешите, – сказал я.

– Мы сейчас уберем, – он остановился.

– Я никуда не исчезну за тридцать секунд, все в порядке.

Мужчина кивнул и уже значительно осторожнее направил платформу к техническому лифту. Я отошел к стеклянной стене тренировочного сектора и только тогда заметил огонь, который поднялся почти до потолка. Резко, одним плотным столбом, закрутился вокруг фигуры в центре помещения и тут же рассыпался на несколько отдельных языков. Я инстинктивно посмотрел на ближайший датчик: зеленый. Нормально.

За стеклом молодой мужчина опустил руку и огонь исчез. Через секунду вспыхнул снова – теперь только над его ладонью. Контроль был значительно лучше, чем год назад.

Каштановые волосы прилипли ко лбу от пота, рукава темной футболки были закатаны до локтей. Даже через стекло было видно, насколько сосредоточенно он следил за пламенем, не пытался сделать его больше и не торопился. Хорошо, вот этому его наконец научили.

– Ставлю пять крон, что он опять попросит сократить программу, – голос прозвучал рядом и я повернул голову.

Один из специалистов тренировочного сектора стоял у двери с планшетом.

– Не ставь, – ответил я. – Проиграешь.

– Думаете, смирился?

– Думаю, он попросит изменить программу, а не сократить.

– Тоже верно, – специалист усмехнулся.

За стеклом молодой мужчина резко сжал пальцы, пламя снова погасло. Он что-то сказал сотруднику внутри комнаты, взял полотенце со скамьи и только потом заметил нас, подняв руку в приветствии.

– Опять приехал? – раздался голос позади. Итан стоял в нескольких метрах от меня с планшетом под мышкой.

– Я оставил тебя работать.

– Я работаю.

– В коридоре?

– Архив загружается. Даже мой гениальный мозг не умеет ускорять сервер взглядом.

– Жаль.

Он подошел ближе и посмотрел через стекло. Парень внутри уже спорил о чем-то с тренером, активно жестикулируя.

– Очередное обследование? – спросил Итан. – Раньше срока.

– На четыре дня, – я перевел взгляд на него.

– Вы помните сроки всех пациентов?

– Нет. Только тех, чьи исследования читаю.

Итан несколько секунд смотрел на меня.

– Иногда вы пугаете.

– Хорошо.

– Это был не комплимент.

– Все равно хорошо.

Он снова посмотрел через стекло. Дэниел Кинли как раз вызвал пламя еще раз. На этот раз оно появилось слишком резко, но он почти мгновенно стабилизировал его.

– Лучше, – Итан присвистнул. – В прошлый раз он чуть не спалил третий стенд.

Платформа наконец освободила проход. Я уже собирался идти дальше, когда дверь жилого сектора распахнулась.

– Дээээниииии!

Голос прокатился по коридору раньше, чем его обладательница появилась в поле зрения. Итан закрыл глаза. Через несколько секунд из-за угла буквально вылетела девушка. Невысокая, в слишком большом светлом свитере, который явно не относился ни к одной форме Пролома, с собранными на затылке волосами и пропуском, болтающимся на шее так, будто он существовал исключительно для декоративных целей. Она пронеслась мимо нас, после остановилась и медленно посмотрела на меня, затем на Итана.

– Доброе утро! – от ее позитивного настроя иногда пухла голова.

– Тебе запрещено находиться в этом крыле.

Кэт посмотрела по сторонам, словно только сейчас заметила стены.

– Правда? Странно…

– Что именно? – Итан прижал планшет к груди и немного наклонился к ней ближе.

– Я была уверена, что иду в столовую.

Итан издал звук, подозрительно похожий на подавленный смешок. Я посмотрел на навигационную красную полоску под ее ногами. Столовая находилась на желтой. Кэтрин проследила за моим взглядом и пожала плечами.

– Цвета похожи. При определенном освещении.

– Кэтрин.

– Я заблудилась.

– Третий раз за неделю?

Она задумалась.

– У меня плохая память.

Теперь уже Итан откровенно отвернулся к стене, чтобы посмеяться. Я сделал мысленную пометку когда-нибудь найти ему работу в помещении без других людей. Кэт тем временем вытянула шею, пытаясь заглянуть через стекло тренировочного сектора.

– Он там? – я не ответил, но она все равно увидела, отчего лицо мгновенно оживилось. – Я знала!

И прежде чем кто-либо успел ее остановить, она направилась к двери, но все-таки я поймал ее за пропуск, который тут же натянул шнурок на ее шее.

– Это унизительно, – Кэт смотрела вниз на натянутую ленту.

– Зато эффективно.

– Я просто поздороваюсь!

– После тренировки.

– Он будет тренироваться еще час, – она надула губы как маленький ребенок.

– Значит, через час, – я уже отпустил ее пропуск и вернул руки в карманы халата.

– Но он меня видел.

За стеклом парень действительно смотрел в нашу сторону. Заметив Кэт, он улыбнулся, но потом показал ей рукой что-то, что с большой натяжкой можно было принять за «потом».

– Видите? – Кэт медленно указала на него. – Он хочет, чтобы я вошла.

– Он хочет, чтобы ты ушла.

– Вы совершенно не разбираетесь в людях.

– Я переживу.

– Вы очень сложный человек, профессор, – она тяжело вздохнула.

– Иди в столовую.

– Я не голодная.

– Пять секунд назад ты туда шла.

Кэт открыла рот. Закрыла и повернулась к Итану.

– Он всегда все запоминает?

– К сожалению.

– Предатель, – сказал я.

Итан развел руками и Кэт снова вздохнула с таким трагизмом, будто ее только что лишили последней радости в жизни.

– Ладно, – она поправила шнурок пропуска, сделала три шага в сторону жилого сектора и остановилась.

– Столовая в другую сторону, милая, – напомнил я.

– Я знаю, – она развернулась, прошла мимо нас и уже почти скрылась за углом, когда крикнула: – Я все равно вернусь!

Ее шаги стихли, несколько секунд Итан молчал и потом посмотрел на меня.

– Вы понимаете, что она действительно вернется?

– Да.

– И?

– Через час его тренировка закончится.

– Иногда мне кажется, что вы ее любите.

Я повернул голову.

– Иногда мне кажется, что тебе слишком мало работы.

– Архив загружается.

– Уже загрузился.

Итан достал планшет, посмотрел в него и его выражение лица изменилось.

– Откуда Вы…

– Уведомление пришло мне минуту назад.

– Почему мне не пришло? – Он проверил собственный экран.

– Потому что ты отключил уведомления.

– Они мешают мне концентрироваться.

Я посмотрел на него своим обычным взглядом, на что он тяжело вздохнул.

– Да. Понял. Возвращаюсь, – Итан сделал несколько шагов, но потом остановился. – Кстати, по предварительному поиску за семь дней совпадений нет.

– Совсем? – я нахмурился.

– Пока совсем. Я расширю параметры.

Он уже собирался уйти, когда я спросил:

– Данные внешних станций тоже взял?

– Еще нет.

– Так возьми.

Итан кивнул и на этот раз без шуток. Я проводил его взглядом до поворота, за стеклом снова вспыхнул огонь. Дэниел продолжал тренировку.

В другом конце коридора пожилой пациент перевернул страницу книги, не обращая внимания на три камня, медленно вращающихся над его плечом. Ребенок наконец удержал бумажный самолетик достаточно долго, чтобы тот пролетел от одной стены к другой, и радостно вскинул руки. Где-то открылась дверь столовой, выпустив в коридор запах кофе и чего-то сладкого.

Пролом жил. Люди приходили сюда со способностями, которых боялись, не понимали или просто не умели контролировать, а потом уходили. Большинство – через несколько дней. Некоторые – через несколько недель. Единицы возвращались годами. Но все они приносили с собой одну и ту же надежду, даже если никогда не произносили ее вслух: скажите мне, что со мной происходит. И обычно мы могли, хоть и не сразу и не всегда полностью, но могли.

Лиору я нашел там, где и ожидал. Архивный сектор занимал дальнюю часть четвертого этажа и существовал, казалось, по собственным законам времени. Пока остальной Пролом

постепенно избавлялся от бумаги, заменял шкафы серверами, а подписи – электронными ключами, здесь продолжали стоять высокие стеллажи, тяжелые каталожные ящики и несколько старых столов с потертыми краями. Конечно, большая часть документов давно была оцифрована. Конечно, доступ к ним можно было получить из любого рабочего кабинета соответствующего уровня. Но Лиора все равно предпочитала приходить сюда. Она утверждала, что старые исследования нужно читать в том виде, в котором их оставили люди, проводившие эти исследования. Я считал это сентиментальностью, на что она называла меня человеком без воображения. Обычно на этом мы расходились.

Дверь в архив открылась не сразу. Считыватель несколько секунд проверял мой пропуск, затем коротко мигнул зеленым, и замок щелкнул. Здесь было теплее, чем в коридорах. И тише, настолько, что первым я услышал шелест бумаги.

Лиора сидела за дальним столом спиной к двери. Перед ней лежали раскрытая папка, несколько листов и тонкий планшет, который она использовала исключительно как подставку под чашку. Я остановился, чашка стояла прямо на экране.

– Когда-нибудь ты его сломаешь.

– Добрый день снова, Энсо, – Лиора не обернулась.

– Это не ответ.

– Потому что вопроса не было.

Я прошел между стеллажами. На полках стояли одинаковые серые короба с годами и номерами проектов. Некоторые были настолько старыми, что надписи на корешках почти стерлись. Современные исследования занимали соседнее помещение и выглядели куда приличнее: белые шкафы, маркировка, автоматическая система выдачи.

Лиора принципиально сидела здесь. На ней был тот же темно-серый костюм, в котором она появилась в лаборатории, только пиджак теперь висел на спинке соседнего стула, но рукава светлой рубашки были закатаны до локтей, а очки лежали рядом с папкой.

– Я думала, у тебя исследование, – сказала она.

– Закончилось.

– Успешно?

– У пациента да.

– Рада за пациента, – она перевернула страницу.

– Ты прекрасно понимаешь, зачем я пришел.

– Я подозреваю.

– Тогда можешь сэкономить нам обоим время.

– Ты пришел в архив добровольно. Не уверена, что экономия времени входит сегодня в твои планы.

Я отодвинул стул и сел за стол. Только после этого она подняла глаза. Несколько секунд мы смотрели друг на друга.

Лиора Вейн обладала редким и крайне неудобным качеством – она совершенно не боялась молчания. Большинство людей спустя несколько секунд начинали чувствовать необходимость заполнить паузу, объясниться, добавить лишнее, исправить сказанное. Лиора могла молчать сколько угодно. Поэтому допросы с ней всегда превращались в соревнование двух людей, ни один из которых не считал себя участником соревнования.

– Ты соврала, – сказал я.

– Даже так? – она моргнула.

– Ты видела такой спектр раньше.

– Это утверждение?

– Да.

– Тогда зачем спрашивать?

– Хочу услышать, как ты будешь отрицать.

– Иногда мне кажется, что тебе действительно не хватает развлечений, – уголок ее рта едва заметно поднялся.

– Итан говорит то же самое.

– Умный мальчик.

– Ему двадцать девять.

– Для меня мальчик, – она снова опустила взгляд к документам.

– Лиора, что это было?

Она вздохнула, но не раздраженно. Скорее так, словно я наконец дошел до вопроса, который она ожидала с момента своего ухода из лаборатории. Лиора положила ладонь на страницу и медленно захлопнула обложку. Я машинально посмотрел на нее, никакого названия, только номер: А-17/04.

– Ты уже запустил поиск по архиву? – она заметила мой взгляд и положила сверху очки.

– Да.

– За какой период?

– Пока семь дней. Совпадений нет.

– Тогда, вероятно, это действительно был сбой.

– Ты сейчас пытаешься убедить меня или себя?

– Скажи мне, Энсо, что именно тебя беспокоит? – Лиора откинулась на спинку стула.

– Сигнал неизвестного происхождения, который три внутренних датчика зарегистрировали без какой-либо реакции внешних станций.

– Это техническая сторона.

– Мы находимся в исследовательском центре. Здесь обычно беспокоит техническая сторона.

– Нет, – она чуть склонила голову. – Если бы дело было только в датчиках, ты бы сейчас стоял над Итаном и заставлял его разбирать систему по винтам. Вместо этого пришел ко мне.

– Потому что ты солгала.

– Потому что тебе показалось, что я что-то узнала.

– Не показалось.

– Самоуверенно, – Лиора улыбнулась, но потом ее взгляд стал серьезнее. – Ты слишком внимательно наблюдаешь за людьми.

– Это часть работы.

– Нет. Часть твоей работы – наблюдать за показателями.

– Люди тоже показатели.

– Вот поэтому пациенты тебя обожают.

– Никогда не ставил такой задачи.

– Заметно.

На несколько секунд между нами снова установилась тишина. За стенами архива почти ничего не было слышно. Лишь вентиляция едва заметно гудела под потолком, да где-то между стеллажами время от времени раздавался сухой щелчок системы контроля влажности.

– Что такое А-17/04? – я посмотрел на закрытую папку.

– Архивный проект, – Лиора даже не опустила глаз.

– Это я понял.

– Тогда зачем спрашиваешь?

– Потому что ты закрыла его, когда я заговорил о сигнале.

– Совпадение, – она посмотрела на папку, будто только сейчас заметила собственный жест.

– Не верю в совпадения.

– Очень неудобная позиция для человека, который занимается наукой.

– Наоборот, – я протянул руку, но не к папке. Просто положил ладонь на стол между нами. – Покажи.

– Нет, – ответ прозвучал настолько спокойно, что на мгновение мне даже стало интересно. – У тебя нет допуска.

– У меня четвертый уровень, – я усмехнулся.

– А здесь нужен пятый.

Вот теперь стало действительно интересно, я посмотрел на папку снова. Она выглядела слишком обыкновенно для документа пятого уровня. Потертый картон, старый номер, чуть загнутый угол. Таких вокруг нас были сотни.

– Исторические исследования пятого уровня допуска?

– Некоторые.

– Какие?

– Те, которые тебе нельзя читать.

– Очень содержательно.

– Я старалась, – Лиора взяла очки, но вместо того, чтобы надеть, медленно повертела их в пальцах. Я заметил, что ее ногти были испачканы серой пылью от старой бумаги. – Послушай меня, ты зарегистрировал аномалию. Правильно?

– Да.

– Она повторилась?

– В трех помещениях одновременно.

– Я спрашиваю не об этом. После того момента.

– Нет.

– Кто-нибудь пострадал? Есть изменение фоновых показателей сейчас?

– Нет.

– Тогда у тебя есть одна запись продолжительностью чуть больше двух секунд и отсутствие какого-либо продолжающегося воздействия.

– И твоя реакция.

– Моя реакция не является научным показателем.

– Жаль. Она была самой информативной частью исследования.

– Иногда ты бываешь невыносим, – Лиора прикрыла глаза.

– Обычно это говорят перед тем, как ответить на вопрос.

– Обычно люди после этого уходят.

– Еще одна причина не быть обычным.

Она посмотрела на меня так, будто мысленно перебирала несколько вариантов ответа и ни один не проходил внутреннюю цензуру.

– Идем, – она наконец встала, опершись на столешницу.

– Куда? – я не двинулся.

– Ты хотел ответов, разве нет? – она взяла папку старого дела.

Лиора подошла к одному из шкафов у дальней стены. В отличие от остальных, тот был металлическим и не имел ручек. Она приложила пропуск к панели. Замигал красный свет, но после того как она ввела код, свет стал зеленым и дверь открылась. Она положила папку внутрь, на секунду между ее рукой и дверцей осталась щель. И этого хватило, чтобы увидеть, что за папкой А-17/04 стояло еще несколько с одинаковыми серыми корешками и одинаковой маркировкой. На одном я успел прочитать только год и он был значительно старше современного Пролома. Дверца закрылась.

– Даже не думай, – Лиора посмотрела на меня.

– О чем? – я невинно улыбнулся.

– Вот именно поэтому я тебя не люблю, – она фыркнула и направилась к выходу. Я пошел следом.

Вместо коридора Лиора вывела меня в небольшую комнату в конце архивного сектора. Я бывал здесь раньше, но редко. Помещение использовали для работы с материалами, которые нельзя было выносить из архива. Два стола, старый терминал, проектор, экран на стене и никаких окон.

– Садись, – Лиора включила верхний свет.

– Не люблю, когда мне говорят, что делать.

– Теперь понимаешь своих пациентов.

Я сел, а она осталась стоять у терминала.

– Я не собираюсь показывать тебе закрытые документы.

– Тогда зачем мы здесь?

– Чтобы ты перестал задавать неправильные вопросы.

– Предпочитаю правильные ответы.

– Иногда сначала приходится научиться правильно спрашивать, – Лиора заметила как я почувствовал раздражение. Конечно заметила. – Сколько лет ты работаешь с эфирными аномалиями? – спросила она.

– Ты знаешь.

– Я жду ответ.

– Девять.

– И что такое эфир?

– Ты серьезно? – я посмотрел на нее удивленным взглядом.

– Абсолютно.

– Среда, через которую реализуется магический импульс.

– Как по учебнику.

– Ты попросила определение.

– Я попросила сказать, что такое эфир.

– Это и есть определение.

– Нет. Это описание того, как мы научились его использовать, – она покачала головой.

Я молчал, Лиора подошла к столу и оперлась ладонями о край.

– Мы измеряем эфирный фон. Измеряем его реакцию на магический импульс. Знаем, какие изменения происходят при использовании огня, воды, воздуха, воздействия на материю, сознание, пространство. Мы научились прогнозировать большую часть отклонений, строим модели, создаем классификации.

– Я в курсе.

– Конечно, – она посмотрела мне прямо в глаза. – Но мы до сих пор не знаем, что именно измеряем.

– Это философия, – я нахмурился.

– Нет. Это неприятная часть науки, которую люди начинают называть философией, когда им не нравится отсутствие ответа.

Мне это не понравилось. Вероятно, именно поэтому я промолчал, но Лиора продолжила:

– Представь, что человек всю жизнь изучает море исключительно по волнам. Он знает их высоту, скорость, частоту. Может предсказать шторм, может построить корабль, может даже научиться использовать течение, – она сделала небольшую паузу. – Означает ли это, что он знает, что находится под водой?

– Если собираешься сказать, что мы ничего не понимаем в эфире, это будет довольно драматичное преувеличение.

– Я собираюсь сказать, что мы понимаем достаточно, чтобы стать самоуверенными.

– И как это связано с сегодняшним сигналом? – я откинулся на спинку стула. Лиора молчала и слишком долго. – Ты опять это делаешь.

– Что?

– Решаешь, стоит ли мне отвечать, – я усмехнулся без всякого веселья и поднялся.

– Энсо, – она подошла к терминалу, сделала несколько движений пальцами и на экране появился обычный современный график эфирного спектра.

Лиора переключила несколько изображений с разными видами магии. Огонь давал одну структуру, вода другую, воздушный импульс третью. Я знал эти изображения практически наизусть.

– Что я должен увидеть?

– Пока ничего, – она переключила еще раз и экран погас.

Появилась фотография старой бумажной диаграммы с плохим качеством. Края листа потемнели от времени, часть подписей невозможно было разобрать, но линия была видна.

– Когда это? – я подошел ближе.

– Давно.

– Очень научно.

– Другого ответа пока не будет.

Я изучил график и сначала не понял, зачем она его показывает. Но потом увидел провал. Неглубокий, короткий, но форма была слишком похожа

– Это не тот же сигнал, – я приблизился к экрану. – Частота другая.

– Да.

– Тогда что именно ты хочешь мне показать? – я повернулся к ней.

– Что иногда эфир не становится сильнее, – Лиора посмотрела на старую диаграмму и сделала паузу. – Иногда его становится меньше.

– Любой сильный импульс может временно изменить локальный фон, – я снова посмотрел на график, но Лиора выключила экран и изображение исчезло.

– Вот это и есть правильный вопрос.

Я почувствовал, как раздражение начинает уступать место чему-то значительно более полезному.

– Что произошло во время этой записи?

– Не могу сказать.

– Где она сделана?

– Не могу сказать.

– Когда?

– Энсо…

– Что случилось с источником?

На этот раз она не ответила сразу и именно поэтому я понял, что наконец спросил о чем-то действительно важном.

– Мы не знаем, – Лиора отвела взгляд.

– Почему?

– Потому что его не нашли, – она взяла планшет со стола.

– Источник сигнала? – я замер. – То есть вы зарегистрировали выброс неизвестного происхождения?

– Я не сказала «выброс».

– Хорошо. Аномалию.

– И это слово тоже не совсем подходит.

– Тогда подбери подходящее.

Лиора посмотрела на меня и впервые за весь разговор в ее лице появилось что-то похожее на усталость. Но не сегодняшнюю, а старую.

– Именно это мы когда-то и пытались сделать.

Когда-то. Я зацепился за слово мгновенно.

– Кто «мы»? – я видел ее лицо. То, как она поняла ошибку. – Лиора.

– Забудь.

– Ты прекрасно знаешь, что я этого не сделаю.

– Знаю.

– Тогда зачем…

Телефон в кармане завибрировал и я раздраженно достал его. Сообщение от Итана, но на этот раз без шуток.

Архив за 7 дней чистый. Расширил до 30. Есть странность. Приходите.

Следом пришло второе.

И профессор – лучше сейчас.

Я перечитал, Лиора наблюдала за мной.

– Что?

– Итан нашел что-то в архиве, – я следил за ее реакций, но лицо осталось спокойным.

– Что именно?

– Не написал, – я убрал телефон, пока Лиора первой направилась к двери. – Куда ты?

– С тобой.

– Минуту назад это был просто сбой.

Она остановилась и обернулась. Несколько секунд ничего не говорила, но потом произнесла:

– Я очень надеюсь, что так и есть, – вот теперь в ее голосе впервые прозвучало то, чего не было в лаборатории. Страх. Совсем небольшой, но настоящий.

И этого оказалось достаточно, чтобы золотая линия на экране перестала казаться мне просто интересной.

До лаборатории мы не дошли. Лифт остановился на третьем этаже, двери разошлись, и вместо привычного коридора перед нами оказался помощник директора. Он стоял почти вплотную к створкам, словно ждал именно этот лифт, хотя я сильно сомневался, что Арден Рей позволял своим сотрудникам тратить рабочее время на охоту за перемещающимися по зданию врачами. Мужчина увидел меня, затем Лиору. И на ней его взгляд задержался чуть дольше.

– Профессор Валенти, директор Рей просил вас зайти.

– Передайте, что зайду позже, – я нажал кнопку закрытия дверей, но ничего не произошло. Помощник держал ладонь на внешней панели.

– Сейчас, профессор.

Лиора тихо выдохнула рядом.

– Что? – я посмотрел на нее.

– Ничего.

– У тебя очень выразительное «ничего».

– Просто восхищаюсь твоими навыками взаимодействия с руководством.

– Присоединяйся.

– Директор просил только Энсо, – помощник убрал руку и двери остались открыты.

Я перевел взгляд на Лиору, но она пожала плечами слишком легко. Еще пять минут назад она впервые за весь разговор выглядела по-настоящему обеспокоенной. Теперь же стояла рядом совершенно спокойно, словно наше возвращение в лабораторию можно было отложить без всяких последствий. Мне это не понравилось. Впрочем, сегодня мне вообще нравилось подозрительно мало вещей. Телефон снова завибрировал в кармане от сообщений Итана.

Я не умер, если что.

Но все еще жду.

Я быстро набрал ответ:

Сохрани все отдельно. Ничего не отправляй. Буду через десять минут.

Ответ Итана появился почти сразу:

Вот теперь я начинаю нервничать.

Я убрал телефон.

– Иди к нему, – сказала Лиора.

– А ты?

– Вернусь в архив, Энсо, – она посмотрела на меня. Но та осторожность, с которой она теперь подбирала слова, осталась. – Сначала выслушай Ардена.

– Почему? – я нахмурился.

– Потому что иногда бывает полезно слушать людей до того, как начинаешь с ними спорить, – Лиора чуть заметно улыбнулась.

– Ты знаешь, зачем он меня вызывает?

– Нет, – ее ответ прозвучал сразу.

– Сегодня вокруг меня удивительно много людей, которые ничего не знают, – я посмотрел на нее еще несколько секунд.

– Возможно, проблема в тебе, – и на этом она вышла из лифта.

Перед тем как двери закрылись, я успел увидеть, как Лиора остановилась рядом с помощником директора и что-то тихо у него спросила. Он ответил и ее лицо изменилось. Створки сошлись и я остался один.

Административное крыло всегда казалось мне самой бессмысленно дорогой частью Пролома. Исследовательские лаборатории могли оправдать практически любую сумму, хорошее оборудование стоило дорого, а системы стабилизации – еще дороже. Даже защитное стекло между исследователем и человеком, способным случайно прожечь стену, было той статьей расходов, к которой у меня никогда не возникало вопросов. Зачем директору центра требовался кабинет размером с небольшую лабораторию, я не понимал. Вероятно, для принятия особенно крупных решений. Я подошел к двери и постучал.

– Войдите, – раздалось изнутри и я вошел.

Арден Рей стоял у окна. Не сидел за столом, не изучал документы, не разговаривал по телефону, просто смотрел на внутренний двор. Внизу люди переходили между корпусами. Кто-то раскрыл зонт, кто-то решил, что расстояние слишком короткое, и перебежал под дождем, прикрывая голову папкой. За дальним ограждением начинался город, серый и размытый влажным воздухом.

– Энсо, – Арден обернулся.

– Вы хотели меня видеть.

– Хотел, – он указал на кресло. – Садись, сынок.

– Я постою.

– Конечно, – Арден посмотрел на меня.

Он был одним из немногих людей в Проломе, кого мое поведение почти никогда не раздражало. По крайней мере, внешне.

Ардену было около шестидесяти, но возраст ощущался в нем скорее как дополнительное преимущество, чем как то, с чем приходилось считаться. Седина давно заняла большую часть темных волос, возле глаз залегли глубокие морщины, но движения оставались точными, а взгляд – слишком внимательным для человека, который половину рабочего дня проводил на административных совещаниях. Костюм на нем сидел безупречно, галстука не было. Это, вероятно, должно было создавать впечатление человека, который все еще ближе к исследователям, чем к чиновникам. И когда-то так и было.

На стене за его столом висела старая фотография первого состава центра. Арден стоял там во втором ряду – значительно моложе, худее, без седины и еще в медицинском халате. Я всегда замечал эту фотографию. Возможно, именно поэтому она там и висела.

– Как прошло утреннее исследование? – спросил он. Вопрос был обычным. Настолько обычным, что я не ответил сразу и Арден заметил паузу. – Что?

– Ничего.

– По твоему лицу не скажешь.

– У пациента ранняя автоматизация магического импульса. Предварительно – нарушение сознательного контроля на этапе формирования реакции.

– Опасно?

– Пока нет.

– Хорошо, – Арден кивнул. Он прошел к столу, взял лежавший там планшет и бегло посмотрел на экран. – Передай Саре, чтобы добавила его в программу наблюдения на ближайшие три месяца.

– Уже.

– Разумеется, – уголки его губ чуть дрогнули.

Я ждал, но он не спешил переходить к причине вызова. На столе перед ним лежало несколько папок. Электронных, обычных, еще одна тонкая стопка документов с печатями. Ничего необычного. И все же после разговора с Лиорой мне не нравилась сама последовательность событий. Совпадения существовали, просто обычно они не выстраивались настолько аккуратно.

– Как оборудование? – спросил Арден.

Вот теперь стало интересно.

– Какое именно?

– Исследовательского сектора.

– У нас много оборудования.

– Энсо, – Арден поднял взгляд.

– Арден.

Несколько секунд он молчал, но после улыбнулся.

– Иногда я забываю, насколько утомительно разговаривать с тобой.

– Многие помнят.

– Не сомневаюсь, – он положил планшет на стол. – Сегодня были технические сбои?

Я смотрел на него. Вопрос прозвучал легко, почти небрежно. Только Арден Рей не задавал небрежных вопросов. Его время стоило слишком дорого, чтобы тратить его на вещи, которые его не интересовали.

– Почему вы спрашиваете?

– Значит, были.

– Я этого не сказал.

– Но и «нет» не сказал.

– Вы вызвали меня обсудить техническое состояние оборудования? – я скрестил руки на груди.

– В том числе.

– Тогда пригласите главного инженера.

– Хорошо. Попробуем иначе, – Арден вздохнул, обошел стол и сел. – Сегодня утром система городского наблюдения зарегистрировала несколько нестандартных изменений эфирного фона в разных районах.

– Каких?

– Пока данные уточняются.

– Время?

– Примерно между девятью сорока и десятью двадцатью, – Арден посмотрел на меня чуть внимательнее.

Наш сигнал попал внутрь интервала.

– Характер изменений?

– Именно поэтому ты здесь.

– Это не ответ.

– Я знаю, – он взял планшет и развернул ко мне.

На экране была карта города с несколькими отметками. Я подошел ближе. Пять точек, но не рядом: одна на севере, две ближе к центру, еще одна почти у окраины. Пятая… Я увеличил карту.

– Это Пролом. Наши внешние датчики ничего не зарегистрировали.

Арден замер. Совсем немного. Если бы я не ждал реакции, вероятно, пропустил бы.

– Уверен?

– Проверил дважды.

– Возможно, задержка синхронизации.

– Нет, – я посмотрел на точки. – Что именно зарегистрировали городские станции?

Арден провел пальцем по экрану и появился график. Я нахмурился. Это вообще не был наш сигнал. Небольшое колебание эфирного фона. В пределах того, что могло возникнуть при одновременном использовании нескольких сильных магических способностей.

– Это обычный всплеск.

– Почти. Пять станций зарегистрировали его практически одновременно. Источник не определен.

– Значит, ошибка синхронизации, – я поднял на него взгляд. – И ради этого вы вызвали меня?

– Нет, – Арден забрал планшет. – Ради того, что это третий случай за последние две недели. Первый зарегистрировали две станции. Разница была настолько небольшой, что его списали на техническую погрешность. Второй – четыре. Сегодня пять.

– Почему я об этом не знаю?

– Потому что до сегодняшнего дня не было причин подключать исследовательские группы.

– А теперь появились?

– Ты сам только что сказал, что у вас были проблемы с оборудованием, – Арден посмотрел мне прямо в глаза.

– Я сказал, что вы спросили о них, – я медленно выпрямился перед ним. – Что именно вы хотите знать?

Он откинулся на спинку кресла и несколько мгновений изучал меня. Потом выражение его лица изменилось. Исчез директор. Остался человек, который когда-то сам стоял в лаборатории и, судя по старым отчетам, был неплохим исследователем.

– Были отклонения эфирного фона?

Я не ответил сразу. Можно было сказать нет, можно было сослаться на техническую ошибку, можно было дождаться результатов Итана. И именно это мне хотелось сделать. Не потому, что я собирался скрывать информацию, я просто не любил передавать наверх то, что сам еще не понимал. Администрация обладала удивительной способностью превращать два неизвестных показателя в совещание из двенадцати человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.